ПОВИНОВЕНІЕ НАЧАЛЬСТВУ.

Во всякомъ дѣлѣ порядокъ, устройство и послушаніе нужно, а въ военной службѣ безъ этаго не было бы никакаго толку, ни ладу; не было бы ни страху, ни исправности, ниже самой службы. Иной зубоскалъ, можетъ статься, сказалъ бы: а на что же мнѣ и служба? а другой, можетъ быть, и разсмѣялся бы еще на эту рѣчь, да поддакнулъ; но и шутить, ребята, этимъ не годится; оно дѣло святое и священное; припаси острое слово про другой случай, а тутъ суди да ряди съ крестомъ да съ молитвой. Безъ Царя да безъ честнаго воинства не устоитъ ни одно государство; набѣжитъ любой нахалъ, раззоритъ землю, полонитъ жителей — и нѣтъ на него ни суда, ни расправы. По этому каждому государству Богъ далъ своего Царя, а Царю повелѣлъ беречь народъ, какъ отецъ бережетъ дѣтей; вотъ для чего Государь набираетъ и содержитъ войско, чтобы была у него въ рукахъ сила могучая, чтобы было чѣмъ отстоять подданныхъ своихъ,

наказать враговъ и не дать слабаго въ обиду сильному. Когда же набрано воинство, то нужно его содержать въ порядкѣ; нужно, чтобы слушались всѣ однаго, чтобы знали они наказное слово, команду, и стояли всѣ за однаго и одинъ за всѣхъ. Отъ чего намъ всегда случалось бить Турокъ, и тогда, когда они были вдесятеро насъ сильнѣе? Оружіе и збруя на Турецкомъ наѣздникѣ не хуже, а ино еще лучше нашего; Турокъ, одинъ, самъ по себѣ не трусъ, онъ пойдетъ рѣзаться на ножахъ со всякимъ; отъ чего же ихъ бьютъ? Отъ того, что у нихъ не было доселѣ нашего порядка; у нихъ пѣшіе и конные мечутся толпами, куда глаза глядятъ, зря; впередъ лѣзутъ безъ толку, бѣгутъ назадъ безъ пути; а наши стоятъ стройно, чинно, смирно; большіе начальники, которые знаютъ и смыслятъ дѣло, глядятъ да смѣкаютъ, куда пройти, куда ударить, и передвигаютъ полки съ мѣста на мѣсто какъ по шашешницѣ; посылаютъ впередъ провѣдочный корпусъ, авангардъ; прикрываютъ главныя силы сзади аріергардомъ, съ боковъ правымъ и

лѣвымъ крыломъ; стоятъ на мѣстѣ съ осторожностью; обносятъ станъ караулами, цѣпью; выставляютъ сторожевые посты; разсылаютъ разъѣздъ; вышлютъ полкъ въ атаку, такъ полкъ идетъ стѣною, ни проскочить сквозь него, ни разбить его; сами вы знаете, кто удержитъ густую колонну, коли пошла она на проломъ? Артиллерію прикрываютъ у насъ конницей либо пѣхотой; коли велятъ ударить въ штыки, такъ идутъ не въ разбродъ, а стройно, сильно, держатся локтемъ къ локтю; коли вышлютъ въ одиночную застрѣльщиковъ, то за ними идетъ западная сила, резервы, для подкрѣпленія на случай неустойки; словомъ, въ военномъ дѣлѣ нуженъ распорядокъ; нужно, чтобы штыкъ и пуля, копье и палашъ слушались однаго слова начальничьяго, чтобы полки строились и переходили съ мѣста на мѣсто, приступали и отступали за–словомъ, одинъ въ одинъ; тогда никакая сила не устоитъ противъ насъ, и гдѣ распуститъ Русскій орелъ крылья свои и Русское знамя, хоругвь, тамъ будетъ и побѣда.

Послушай, ребята, скажу я вамъ, что говорилъ объ этомъ дѣлѣ товарищъ и однополчанинъ мой Власъ Карповъ. Власъ Карповъ былъ чудакъ не изъ послѣднихъ: шутъ кожаный, такой, что другаго поискать этакаго; а правду зналъ и говорилъ всякому. Бывало, переходъ великъ, грязь по колѣна, солдатушки уморились на–смерть — тянутся, тянутся, мочи нѣтъ, чуть ноги волочатъ. Тогда Власъ Карповъ надѣваетъ на себя два ранца, одинъ напередъ, другой назадъ; вызоветъ, съ позволенія полковника, пѣсенниковъ впередъ; заставитъ ихъ пѣть: Оступилася, промолвилася, а самъ пляшетъ передъ полкомъ, на ходу, въ–присядку, подъигрываетъ на ружьѣ словно на балалайкѣ, да еще приговариваетъ да присвистываетъ. Ребята какъ ни уморились, а лѣзутъ впередъ посмотрѣть на Власа: смѣхъ беретъ переднихъ, хочется поглядѣть и заднимъ — такъ весь полкъ и подается помаленьку впередъ, солдатушки поразвеселятся и придутъ на мѣсто, не успѣютъ оглянуться. Разъ, помню я,

полковникъ нашъ, на стоянкѣ, затѣялъ праздникъ; назвалъ гостей, да позвалъ и человѣкъ съ пятьдесятъ лучшихъ солдатъ: а у нашего полковника, бывало, нѣтъ праздника безъ солдатъ; они, говоритъ, дѣти мои, безъ нихъ нѣтъ мнѣ и радости. Ну, позвалъ полковникъ и солдатъ, и Власа Карпова — ужъ безъ него дѣло не обойдется — и поставилъ большой шатеръ въ чистомъ полѣ; тамъ веселились господа, а мы съ пѣснями да съ плясками вокругъ да около. Былъ у полковника буфетчикъ, изъ Нѣмцевъ; парень хорошій, честный, проворный, да только берегъ онъ господское добро пуще своего; и сколько разъ ужъ бранилъ его полковникъ: ты, говоритъ, больно скупъ; а онъ промолчитъ–себѣ, да опять тоже сдѣлаетъ по–своему, въ обрѣзъ, пооккуратнѣй, и правъ. Полковникъ этому буфетчику приказалъ дать ребятамъ вина. Буфетчикъ вынесъ какую–то бутылочку въ плетешкѣ, да и поднесъ по рюмочкѣ, развѣ мало чѣмъ больше портняжнаго наперстка. Ну, солдаты выпили, сказали спасибо, а сами

думаютъ про себя: только подразумилъ, хоть бы не давалъ лучше. Власъ Карповъ подошелъ, поглядѣлъ — а самъ онъ вина въ ротъ не бралъ — поглядѣлъ, взялъ рюмочку, прикинулъ противъ свѣту; экая, говоритъ, фря дворянская! поджаристѣе борзой собаченки, а въ перехватѣ тонѣе осы! погоди, мы ее проучимъ; не станетъ она въ солдатское братство жаловать! Самъ взялъ рюмочку эту, подвѣсилъ ее къ дереву и сталъ сѣчь прутомъ да приговаривать: не будь рюмочкой, будь стаканчикомъ! не будь рюмочкой, будь стаканчикомъ! а другаго солдата заставилъ кричать: помилуйте, не стану, впередъ не буду никогда! Полковникъ слышитъ въ палаткѣ своей. Что тамъ такое? кого бьютъ? и выскочилъ самъ въ ту жъ минуту. Власка сѣчетъ рюмочку. Какую рюмочку? Да рюмочку, которою буфетчикъ вина поднесъ; сѣчетъ ее, да наказываетъ быть не рюмочкой, а стаканчикомъ. Полковникъ разсмѣялся, позвалъ Власа, да велѣлъ ему самому обнести всѣмъ ребятамъ по стакану.

Такъ вотъ каковъ былъ у насъ Власъ Карповъ: и шутникъ, и весельчакъ, а ужъ первый въ полку солдатъ, и научалъ и наставлялъ товарищей притчами, поговорками, да прибаутками лучше всякаго; и солдаты всѣ любили его и слушались. Онъ–то и говорилъ о военной службѣ вотъ что:

«Жилъ–былъ, говоритъ, мужикъ, и задумалъ онъ построить мельницу. Было у него сватовъ и кумовьевъ много, и на своемъ селѣ и по околодку; онъ и обошелъ кругомъ, да и выпросилъ у всякаго понемногу: ты, говоритъ, сдѣлай валъ, а ты одно крыло, ты другое, ты веретено на шестерню, ты колесо, ты десятокъ кулаковъ, зубцовъ, а ты другой десятокъ; словомъ, разложилъ на міръ по ниткѣ, а самъ норовилъ выткать себѣ холста на рубаху. Сваты да кумовья, что обѣщали, то и сдѣлали; принесли нашему мужику, кто колесо, кто другое, кто кулакъ, кто крыло, кто веретено. Чтожъ? кажись, мельница готова; вези мелево, да собирай помолъ; анъ не тутъ–то было. Всякой свою работу

сдѣлалъ по–своему; кулаки не приходятся въ гнѣзда; шестерня на веретено; колесо не пригнано къ колесу, крылья къ валу — хоть брось. Отъ чего это? да отъ того, что сто головъ, сто умовъ; не было однаго мастера, нѣтъ и толку, нѣтъ ладу; а пришелъ къ мужику старый мельникъ, обтесалъ, обдѣлалъ да пригналъ на мѣсто каждую штуку, пошло и дѣло на ладъ; мельница замолола, не кой кладъ, и мужикъ съ легкой руки разжился.»

«Такъ–то, говаривалъ, Власъ Карповъ, такъ–то и наше солдатское житье–бытье; какъ пригонятъ изъ шестидесяти губерній да областей, со всѣхъ концовъ Царства рекрутъ, такъ глядишь на нихъ, да и самъ не вѣришь, что черезъ годъ со днемъ отбрякаютъ они тебѣ ружьемъ не хуже нашего, и батальный огонь по командѣ пустятъ, такъ что любо; и плутонгами палить станутъ, и залпами, и, пожалуй, за–словомъ, повзводно на стѣну полѣзутъ; а отъ чего это? отколѣ въ нихъ рысь берется? Отъ того, что приметъ ихъ въ руки мастеръ, обтешетъ да оболванитъ, да однаго къ

одному пригонитъ, да оденетъ, да обуетъ, да аммуницію пригонитъ, да выучитъ — любо глядѣть! пошла мельница, пошелъ и баталіонъ, куда угодно, не стыдно въ люди показать, не страшно и дѣло сдѣлать; а набери Калмыцкое ополченіе, безъ всякой науки, кто въ лѣсъ, кто по дрова, такъ будешь биться, какъ мужикъ съ мельницей, и не добьешься толку во вѣки вѣковъ!»

Власъ Карповъ былъ солдатъ умный и говаривалъ правду.

Дѣлай дѣло за семерыхъ, а слушайся однаго.

У кого булава, тотъ и голова.

Безъ матки пропадутъ и дѣтки.

Безъ головы и рукамъ и ногамъ тошно.

Безъ запѣвалы и пѣсня не поется.